

ОСТРОВ ИСЧЕЗАЮЩИЙ

рассказ

Среди арктических реликвий у меня есть кусок угля, того самого, о котором как-то говорил летчик Баранов. Я сам выковырял его из черного пласта, обнажившегося при обвале берега. Полярники называют этот уголь каменным, но он очень легкий. На его черной поверхности можно различить строение древесины. Это, несомненно, уголь, однако происхождение его загадочно. Остров, где он найден, намыт из песка морскими волнами и сравнительно недавно поднялся над поверхностью моря. На нем никогда ничего не росло и расти не могло. А между тем я держу кусок этого странного угля в руке.

Впервые я услышал о нем на пароходе «Беломорканал». Мы с Нетаевым перебрались на корабль, когда он ходил взад и вперед по бухте острова Дикого. Капитан словно не решался выйти в море.

Нетаев объяснил мне, что на корабле проверяют работу магнитных навигационных приборов.

— Боюсь, что это дело затянется, — вздохнул штурман. — Догоним ли мы «Седова»?

Но «Беломорканал» без задержки вышел в море двадцать шестого августа, в понедельник.

За обедом мы познакомились с капитаном. Бритый, с тонкими чертами лица и решительными складками у губ, он был по-морскому элегантно одет, вежлив и предупредителен.

— Думаю, — сказал он, — что «Георгия Седова» мы еще застанем за выгрузкой около острова Исчезающего. Там вы и пересядете на него. Волнение не слишком сильное.

— Интересное судно «Георгий Седов», — вставил старший помощник капитана, или первый штурман, как его называют. Это был

невысокий малоразговорчивый человек с внимательными глазами и обветренным лицом.

— Еще бы! — сказал я. — Легендарное судно! Продрейфовало через весь Полярный бассейн, севернее «Фрама» прославленного Нансена.

Старпом улыбнулся.

— Это, конечно, эпизод значительный, заметный. Но «Седов» делает и много незаметных дел. Вот поплаваете на нем, сами увидите. Он для Арктики вроде внутривозового транспорта. Бегаёт себе и бегаёт между островами. Его никто как будто и не замечает, а он втихомолку не один рекорд поставил.

— Вы плавали на «Седове»?

— Плавал. Морскую школу на нем прошел. Много открытий «Седов» сделал. А с виду невзрачный. Да вот подойдем к Исчезающему, сами увидите.

— Почему вы так зовете этот остров? Ведь у него другое название.

— А мы его так после одного рейса прозвали. Я тогда на «Седове» плавал. Могу вам рассказать про этот остров. И про уголь, который на нем нашли...

Мы услышали от первого штурмана о моряках «Седова», о профессоре, интересовавшемся странным углем, и о романтической Земле Санникова.

...Были тогда на борту «Седова» полярники, которые направлялись на зимовки, и один московский профессор. Старик живой, подвижной, со всеми знакомился, заговаривал, спорил, все хотел знать. Его полюбили на корабле. Все знали, что он плывет на остров, чтобы изучить найденный там уголь.

Одетый совсем не по-северному, он расхаживал по палубе и заговаривал то с одним, то с другим из молодых ребят, комсомольцев, направлявшихся на остров.

— Скажите, молодой человек, вы довольны, что попали в Арктику?
— допрашивал он веснушчатого паренька, жадно смотревшего на море.

— Ничего. Доволен, — нехотя отвечал тот.

— А кем работать будете, позвольте узнать?

— Метеорологом. Курсы окончил.

— Работа метеоролога — это работа ученого! — заявил профессор. Паренек вскинул на него удивленные глаза и покраснел.

— А пейзаж? Как вам нравится пейзаж? — продолжал спрашивать старик.

— Пейзаж ничего... Льдов что-то маловато, да и медведей не видно, — важно ответил паренек, глядя на редкие, освещенные солнцем, источенные водой льдины.

— Маловато? Но ведь для вас это первые льдины. Они не могут не волновать! По лицу вашему вижу, что это так. А вот скоро подойдем к вашему острову. Каков-то он окажется?

— Да ничего особенного. Мне бы на другой хотелось.

— Как же ничего особенного? Ваш остров у нас первый на очереди. Полярникам там надо помочь.

— Это я знаю... Только я на Ново-Сибирские острова хотел.

— Почему?

Паренек, его звали Гриша, оживился.

— Вы слышали о Земле Санникова? — спросил он.

— Далекие горы севернее Ново-Сибирских островов? Их видел в тысяча восемьсот десятом году с острова Котельного промышленник Санников? Фантазия! Такой земли нет. Это неоднократно подтверждалось летчиками.

Гриша преобразился. Глаза заблестели, румянец сразу скрыл веснушки.

— Неправда! Уже после Санникова люди замечали, что птицы летят на север от Ново-Сибирских островов. Зачем им лететь в открытое море? И вот еще: онкилоны — народ такой был — всем племенем куда-то ушли.

И будто бы в направлении Земли Санникова. Для меня лично ясно, что там земля.

Профессор улыбнулся.

— Но ведь для науки одного такого убеждения еще недостаточно.

Гриша не сдавался:

— И вот Обручев. Он — академик, а целую книгу написал о Земле Санникова! И будто на Земле Санникова из-за вулканов особые климатические условия, тепло там...

— Тепло? — переспросил профессор.

— ...звери доисторические, — продолжал Гриша увлеченно. — Может быть, живые петикантропы...

— Друг мой, ведь Владимир Афанасьевич научно-фантастический роман написал. Это же только фантазия.

— Я на будущую зимовку попрошусь «а Ново-Сибирские острова.

— Землю Санникова открыть хотите?

— И открою. Хоть тайну ее, а открою.

— Люблю дерзания! И завидую вам, завидую искренне. Я бы не рискнул!

— А сами в Арктику прилетели.

— Да ведь я же, дружок, геолог. На каждый день моей жизни приходится в среднем пять тысяч шагов, сделанных вот этими ревматическими ногами, — профессор спрятал в усах улыбку.

— А правда, Сергей Никанорович, что вы уголь на острове нашли? — спросил Гриша.

— Ну, голубчик мой, это уже сказки. Уголь на острове нашли полярники. А я, напротив, доказывал, что этого не может быть. Ведь остров-то волнами намыло. Из песка. На нем никогда ничего не росло. Откуда же каменному углю взяться? Но уголь, оказывается, все-таки есть! Я потому и в Арктику прилетел, чтобы понять, в чем мое заблуждение.

— Теперь скоро узнаете.

— Скоро, — согласился старик.

Остров показался на следующий день утром. От него по направлению к кораблю двигался огромный серый столб — снежный «заряд», как зовут здесь это явление. Снежный заряд — это молниеносная метель.

Заряд налетел на «Седова», и остров исчез. Все кругом стало тусклым, словно корабль очутился в гигантском мешке. Но вот метель пронеслась. На палубе появился капитан. Он показал профессору только что полученную с берега радиограмму о бедствии:

«Сильнейший прибой. Высадка невозможна. Берег обваливается. Дому грозит гибель. Продолжаем действовать сами».

— Прибой? — удивился профессор. — И это остановит нас?

— Для моряков добраться до какого-нибудь отдаленного острова — четверть дела. Вот высадиться...

Парторг собрал в кают-компании всех находившихся на судне. Люди были кто в спортивной майке, кто в ватнике, кто в парадном кителе. Мест не хватало. Опоздавшие стояли вдоль стен или примостились на полу. Здесь были и моряки и пассажиры — зимовщики полярных станций. Профессор уселся на лавке у стены и обводил всех живыми, нетерпеливыми глазами.

После собрания он сказал, потирая руки:

— Люблю краткие прения: «Прибой? Выгрузаться нельзя? Ладно. Выгрузимся».

Люди натянули брезентовые робы. Стали готовить к спуску катерок «Петушок». Он повис на канатах, охвативших его «под брюхо», и через минуту заплясал на волнах. Следом за ним плюхнулся в воду плоскодонный кунгас, вместительный, но тяжелый и неуклюжий.

Люди спускались по веревочному трапу. Это было трудно. Волны кидали кунгас то вверх, то вниз. Профессора не хотели пускать к трапу.

— Я не могу остаться! — горячился он. — Моя цель — побывать на острове. Подвешивайте меня на канатах в конце концов!

Его спустили при помощи подъемной стрелы.

Через минуту «Петушок», ведя на буксире кунгас, побежал к острову. Берег, высокий и обрывистый, приближался. На нем, как осажденная средневековая крепость, высился дом полярной станции. Его будто нарочно выстроили на обрыве. Под отвесным берегом вздымались клубы пены.

Катер спешил. Волны подгоняли его. Второй штурман, управляющий катером, знал, что морю ничего не стоит разбить о берег легкую скорлупу, разнести ее в мелкие щепки. Но вдруг перед самым берегом он круто развернулся. «Петушок» неожиданно стал к волнам не кормой, а носом и ринулся на них с мальчишеской удалью.

Пока тяжелый кунгас разворачивался вслед за катером, волны безостановочно били его своими косматыми лапами. Соленые валы разлетались тучами брызг, слепили, валили людей с ног.

Катерок натянул буксир — кунгас стоял теперь между катером и берегом, кормой к берегу. Штурман отступал шаг за шагом, кунгас незаметно приближался к берегу. Уловив момент, матрос с кунгаса бросил на берег конец линя. Полярники поймали его, затащили, не давая кунгасу повернуть к волнам бортом. Но волны подбросили кунгас и со всего размаху ударили дном о камни.

Профессор и Гриша едва удержались за столбик на носу кунгаса. Лица у обоих были растерянные. Люди на берегу и команда катера тянули канаты, тщетно стараясь удержать кунгас. Но он все-таки развернулся вдоль волны, наклонился... вода ринулась через борт.

Пассажиры прыгали прямо в воду и бежали к берегу. Волны настигали их и били в спины.

Гриша, стоя в воде, тащил профессора за рукав. Наконец и профессор спрыгнул. У него захватило дыхание. Вода была ледяной. Ничего не помня, не в силах вздохнуть, профессор вылетел на шуршащую гальку.

Волны бросили ему вслед кунгас.

Полузадохнувшийся профессор с остервенением отплевывался. Около него прыгали огромные мохнатые псы. Они старались лизнуть

профессора в лицо. Полярники радостно встречали прибывших. Все стояли под самым обрывом, на узкой полоске суши.

Здесь было видно, как море наступало на остров. Оно точило берег, состоявший из смерзшегося и оттаивавшего сейчас песка, вгрызалось в него, растворяло, как сахар. И берег висел над водой тяжелой громадой, каждую секунду готовый рухнуть вниз.

Профессор ходил по вымытой волнами гальке, рассматривал глыбы обвалившегося песка, потирая руки. Потом он посмотрел вверх, запрокинув голову. На обрыве виднелся дом.

— Только вчера здесь обвалился край берега, — юношеским тенорком сказал обросший бородой полярник. — Теперь обрыв начинается прямо от крыльца. Однако всем вам надо обсохнуть.

— Как обсохнуть? А дом? — спросил Гриша.

— Слышите грохот? Здесь каждую минуту что-нибудь обваливается.

— Так надо спасти дом! — заволновался Гриша. — В работе и обсохнем.

Прибывшие уже поднимались в гору. Они спешили, как по боевой тревоге.

Перед ними был прекрасный дом, построенный лет десять назад. Каждый полярник имел здесь отдельную комнату. И вот дом висел над морем, готовый сорваться вниз.

Раньше дом находился более чем в ста метрах от берега. Теперь берег вплотную придвинулся к дому. Это обнаружили вернувшиеся на остров в прошлом году полярники. Зиму они жили спокойно, а с началом оттепели море снова двинулось на них. Они отступили, покинули свое жилище, вынесли из него все, что могли... По земле тянулась извилистая трещина. Она подползала под дом и выходила с другой его стороны.

— Стойте! Стойте! — кричал профессор, держась рукой за сердце. — Что вы хотите делать, безумцы? Не смейте переходить трещину!

Люди на мгновение остановились.

— Весь остров состоит из песка, скрепленного льдом! — кричал профессор. — Все это было намыто морем и держалось только холодом. Слой мерзлоты теперь оттаивает, море подымает остров... берег обваливается... Не смейте ступить за трещину!

— Так ведь дом погибнет! — сказал Гриша.

— Надо его спасти. Давайте сюда трактор. Зацепим канатом!

Гриша посмотрел на профессора.

— Простите, Сергей Никанорович, как бы не зашибло... Трактора здесь нет...

Сверху упало бревно. Поднялся столб пыли. Профессор растерянно смотрел то на дом, то на бревно.

Гриша уже был на крыше и отдирал от кровли доски. Каждая доска, каждое бревно были заранее помечены полярниками, чтобы удобнее было вновь собрать дом на другом месте.

Работа кипела.

С грохотом падали доски. Скрипели стропила. Сверкали топоры. Пошли в ход тяжелые ломы.

— Дружно, ребятки! Берем, берем!

Эх, и была же это работа! Как на пожаре!

Люди ворочали огромные бревна, бросали их вниз. Пыль оседала на мокрых лицах.

— Вира! Вира! Веселей!

Поднялся ветер, визгливый, яростный. Он хлестал людей по лицам, срывал их с оголившегося сруба. Внизу ревело море, но люди ничего не замечали. Они отдирали бревно за бревном и отбрасывали их от берега.

— Берегись!

Профессор помогал тащить бревна через трещину.

Вот с дома уже слетела крыша. Разобрали потолок. Дом обнажился, показывая свои комнаты, недавно еще такие уютные.

Наконец работа была закончена. Усталых, донельзя грязных гостей полярники привели к себе в птичник, превращенный в жилое помещение.

Профессор, в кителе с чужого плеча, веселый и разговорчивый, уже сидел за столом и подтрунивал над Гришей, уверяя, что на его лице татуировка онкилонского воина. Жена начальника полярной станции, местный повар, тихая, но расторопная молодая женщина, подвела Гришу к зеркалу, а потом молча вручила ему ведро горячей воды и отправила в баню. Правда, и другие в этом нуждались, но Гриша оставался на острове и как бы поступил уже в ее распоряжение.

Ничего не поделаешь. Грише пришлось подчиниться.

Радужная хозяйка без конца подливала в тарелки дымящийся борщ и все говорила:

— Кушайте, кушайте, спасибо вам!

— Ох, и вкусный же борщ на этом острове!

После обеда профессор в полушубке и валенках сидел на завалинке. К нему ласкались две огромные собаки: Лохтак, вожак, и Белуха, признанная предводительница собачьей стаи. Бородатый полярник рассказывал:

— Лохтак — медвежатник. Он выходит на медведя один или с Белухой. Они нападают на зверя одновременно с двух сторон, поочередно отвлекают его на себя, пока не подойдешь с ружьем. Лохтак уже пострадал однажды. Пуля прошла через медведя навывлет и задела псу лопатку. Лохтак долго болел. Но к медвежьей охоте пристрастия не потерял.

Профессор удивился, почему эти страшные псы так ласковы даже с незнакомыми людьми. Полярник объяснил, что собаки Севера всех людей считают друзьями. Враги — это звери: медведь, нерпа.

Лохтак отбежал от дома и лег у обрыва, недалеко от бани.

— Караулит нерпу. Когда нерпа высунет голову, Лохтак поднимет лай — будет звать охотника.

— Вы напомнили мне о другой охоте... охоте за углем! Ведите меня к вашим залежам... Я так увлекся бревнами, что забыл, для чего проделал несколько тысяч километров.

— Пойдемте вниз, Сергей Никанорович, посмотрим на свежий обрыв. Наверное, там есть что-нибудь новое.

— Извольте! Любопытно посмотреть остатки никогда не существовавшей здесь растительности.

— Мы всю зиму углем топили, — скромно заметил полярник.

Вдруг Лохтак залаял.

— Что это? Нерпа? — забеспокоился профессор.

Лохтак с тревожным лаем носился около бани, стоящей неподалеку от снесенного дома. Вдруг он бросился прочь. Раздался глухой рокот.

— Обвал! — тонко крикнул бородач.

Часть берега, где еще недавно стоял дом, исчезла, отвалилась, видимо как раз по трещине.

Качнулась маленькая избушка — баня. Профессор так и сел на завалинку.

Ухнуло с раскатами, словно артиллерийский залп.

Дверь распахнулась. Из нее вылетел голый, намыленный Гриша. От него валил пар. На снегу оставались следы босых ног. В мгновение ока Гриша пролетел расстояние от бани до птичника и скрылся в нем. Лохтак гнался за ним, удивленно лая. Он никогда раньше не видел голых людей.

Профессор хохотал, слезы текли у него из глаз.

— Этот откроет! Этот непременно откроет новую землю, — задыхаясь, говорил он.

Через несколько минут вместе с бородатым полярником профессор спустился вниз. Там, где недавно берег нависал над морем, теперь лежала громадная куча смерзшегося песка. Через несколько часов волны снова начнут подтачивать берег. Сейчас они еще не доставали до нового обрыва, только слизывали обвалившиеся песчаные глыбы.

Полярник показал на черные полосы в отвесной стене.

— Уголь? — недоверчиво проговорил профессор. — Не может быть! Не верю.

Он подошел к стене, стал выковыривать черные куски. Полосы, отделенные песчаными прослойками, шли параллельно друг другу.

Профессор взвесил на руке черный кусок и стал подбрасывать его. Кусок оказался легче сухого дерева. Профессор заулыбался.

— Для самоваров, для самоваров, голубчик мой, такой уголь хорош.

Полярник непонимающе смотрел на профессора.

— У нас в Сибири самовары древесным углем ставят, — сказал полярник.

— Вот именно, — многозначительно заметил профессор. — А ну-ка пойдете по бережку...

Некоторое время профессор и полярник шли молча.

— Ага! — закричал профессор. — Вот она, тайна вашего угля! — и тронул ногой гладкое, отшлифованное морем бревно с обтоканными, закругленными концами. Оно лежало у самой воды.

— Плавник? — удивился полярник.

— Ну да! — улыбнулся профессор. — Действительно, на нашем острове скопились остатки растительности, никогда здесь не росшей. Я ломал себе голову, откуда взялся на наносном острове уголь. Теперь я знаю. Он приплыл!

— Как приплыл?

— В течение столетий великие сибирские реки выбрасывали в море стволы упавших в воду деревьев. Стволы выносились сюда, в эти широты. Волны выбрасывали бревна на берег, их засыпало песком. Занесенная песком древесина обугливалась. Правда, обугливание происходило не в таких условиях, как на материке. Потому и уголь здесь скорее похож на древесный, чем на каменный. Проходили столетия. Под давлением волн остров поднимался, поднимая и пласты угля.

— Надо собрать уголь лопатами, а то волны унесут.

— Правильно! Не давайте им уносить то, что они когда-то принесли. Прекрасное топливо, но это не каменный уголь. Если хотите знать, то это... как бы сказать... это «плавниковый» уголь! Конечно, это

не «залежи». Его здесь ничтожное количество, да и не может быть больше. Но для зимовки хватит. А в общем любопытно.

Профессор присел на корточки и стал копаться в обнаженном пласте, напевая в седоватые усы. Он был в чудесном настроении.

— Сергей Никанорович! — Гриша в большом не по росту полушубке присел на корточки рядом с профессором и заговорил взволнованным шепотом: — Открытие, Сергей Никанорович!

— Да, если хотите, открытие. «Плавниковый» уголь нигде не описан. Открытие сделано здесь на берегу.

— А я в бане сделал...

— В бане? Открытие? — удивился профессор.

— Я, может быть, Сергей Никанорович, ошибаюсь, только не думаю. Когда баню тряхнуло, я сразу себе представил, как берег словно ножом срезается. Ведь остров каждый год со всех сторон уменьшается метров на двадцать, на тридцать?

— Уменьшается, — согласился профессор.

— Что же через несколько десятков лет будет? Остров исчезнет.

— Исчезнет. Но ты не огорчайся. В другом месте море новый остров намочет. Не так давно в море Лаптевых такой остров появился...

— Но если острова исчезают, значит могла быть и Земля Санникова. И Санников ее видел, и гуси на нее летели, и онкилоны на нее переселялись. Она существовала, а потом ее не стало. Она была исчезающим островом, как этот!

Юноша взволнованно смотрел на профессора.

— Это интересно... «плавниковый» уголь на исчезающем острове, — после долгого молчания сказал профессор. — А ты молодец, Гриша!

Профессор вскоре уехал в Москву, обещав написать в своей новой книге про гипотезу Гриши о Земле Санникова...

Старший помощник капитана, который рассказал нам эту историю, стоял на капитанском мостике.

— Вот он, остров Исчезающий, — сказал он, передавая мне бинокль. — На фоне берега можно различить «Георгия Седова».

Я рассматривал загадочную сушу, когда-то поднявшуюся над поверхностью моря и теперь снова растворяющуюся в нем.

Это был продолговатый остров в несколько километров длиной и километра в три шириной. Я побывал на нем. Он покрыт кое-где бедными травами. Когда идешь, ноги вязнут в песке.

Я видел, как обрушивается в море берег. На срезе виднеются черные полосы. Это «плавниковый» уголь. Кусок его мне удалось привезти с собой в Москву.

Бродя по берегу, я думал о Земле Санникова и о том, сколько еще десятилетий просуществует этот остров.

Гриша — метеоролог полярной станции — увлеченно говорил мне:

— Можно укрепить берег, не дать ему оттаять. Пусть Земля Санникова исчезла, но теперь ни одна, даже самая малая пядь советской земли, если мы захотим, не исчезнет. Ведь тут уголь... — добавил он.

Гриша проводил меня на берег, где нас ожидал катер «Петушок».